

А. В. НАЗАРЕНКО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СЛАВЯНЕ

(историко-филологические исследования)

Москва, 2009

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
H19

Подготовлено к печати и издано
Русским Фондом Содействия Образованию и Науке, 2009 год,
в рамках проекта Университета Дмитрия Пожарского

Редакционная коллегия серии:
доктор исторических наук *Е. А. Мельникова* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Г. В. Глазырина*,
доктор исторических наук *Т. Н. Джаксон*,
доктор исторических наук *И. Г. Коновалова*,
кандидат филологических наук *В. И. Матузова*,
доктор исторических наук *А. В. Назаренко*,
доктор исторических наук *А. В. Подосинов*,
доктор исторических наук *Л. В. Столярова*,
доктор исторических наук *[И. С. Чичуров]*,
член-корреспондент РАН *Я. Н. Щапов*

Назаренко А. В.

H19 Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — 528 с.

ISBN 978-5-91244-009-0

Сборник, издаваемый к 60-летию историка и филолога Александра Васильевича Назаренко, посвящен преимущественно истории Древней Руси. В нем собраны работы ученого главным образом последних лет, переиздаваемые в исправленном или сильно расширенном виде, а также новые статьи. Затронуты проблемы политического строя Руси XI–XII вв. (династические порядки и междуукняжеские отношения, политическая история отдельных княжеств), истории церкви (становление и развитие епархиальной структуры Киевской митрополии, брачное право, феномен паломничества), государственной идеологии, историографии, топонимии (название «Великороссия», «Малороссия», «Новороссия») и этимологии как древнерусского времени (название Киева), так и более раннего (скифский этоним «сколоты»). Этот корпус дополняют несколько работ по истории и историографии славян.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

© Назаренко А. В., 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009
© Русский Фонд Содействия Образованию
и Науке, 2009

ISBN 978-5-91244-009-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда осенью 1974 г. автор этих строк впервые переступил порог академического Института истории СССР, незабвенный Владимир Терентьевич Пашуто, которому предстояло стать научным начальством новоприбывшего, осведомился о возрасте будущего сотрудника. Узнав, что «молодому ученому» 27 лет, он подавил вздох и утишил: «Ничего, я тоже поздно пришел в науку».

С тех пор минули эпические «ровно тридцать лет и три года». С признательностью принимая предложение коллег — теперь уже по Институту всеобщей истории Российской академии наук — отметить «закруглившуюся» дату неким флорилегием проделанного, юбиляр недолго колебался относительно содержания. В свое время, вынашивая грандиозную идею издания многотомного Свода древнейших источников по истории народов СССР, В. Т. Пашуто сплотил группу недавно покинувших университетские стены филологов (античников, византинистов, скандинавистов, славистов, германистов, арабистов) в Сектор истории древнейших государств на территории СССР, который *mutatis mutandis* жив, слава Богу, по сей день, хотя и много претерпел, *έτει τροίς ἑρόν πτολέμεον ἐπράθετο*, — о чем было бы говорить долго. При всем том Владимир Терентьевич мечтал, чтобы со временем из когорт «мобилизованных» филологов выросли источниковедчески искушенные (что без филологической основы немыслимо) историки Восточной Европы и прежде всего Древней Руси. Иными словами, его целью было восстановление некогда существовавшего в науке историко-филологического единства, способного обеспечить тот самый комплексный подход к изучению Древней Руси, о котором сегодня так много говорится, но который покуда сводится чаще всего к эпизодическим собеседованиям разнопрофильных специалистов. На примере собственной судьбы в науке автор убедился, с какой поистине роковой неизбежностью совершалась эта перемена, как древнерусская история, поначалу в части международных связей Руси (которые, понятным образом, в первую очередь находили отражение на страницах иностранных источников), а потом и в целом, все более заполняла собой исследовательский горизонт.

Поэтому, ощущая горький привкус итоговости, неизбежно присущий любому, даже скромному, юбилею, мы сочли логичным собрать воедино ряд работ, посвященных прежде всего собственно Древней Руси, исключая ее внешние связи, несмотря на то что именно последние были предметом наших изысканий в течение долгих лет (впрочем, они в достаточной мере обобщены в другой книге*). Чистых исключений — два. Это небольшая статья об одном из аспектов деятельности просветителя славян святителя Мефодия и эссе об этимологии

* Назаренко 2001а.

самоназвания скифов *Σκολότοι* (*Σκόλοτοι?*). В оправдание скажем, что кирилло-мefодиевская проблематика всегда (и справедливо) рассматривалась как обще-славянское введение в русскую историю. Эту славяно-русскую тему продолжает и статья о славянском язычестве. Что же касается этимологии — то лингвистический *par excellence* этюд об одной из восточноевропейских древностей перебрасывает тонкий мостик в филологическое прошлое автора, тем самым, в какой-то мере символически, проставляя логические скобки и замыкая конец на начало, как то и положено по закону жизни. Кроме того, он хронологически и географически оттеняет две других тематически близких, но разножанровых работы: об этимологии названия *Киев* и о выдающемся русском этимологе — Олеге Николаевиче Трубачеве, великолепная поддержка которого (равно как и Федота Петровича Филина) сопровождала в далеком 1980 г. появление нашей первой языковедческой публикации. Присутствие в сборнике лингвистических и полулингвистических работ в наших глазах тем более оправдано, что реконструктивный метод сравнительно-исторического языкознания во многом, как мы теперь понимаем, определил реконструктивизм автора этих строк и в качестве историка — за что его не раз корили коллеги, причем, что замечательно, как более «модернистски», так и более консервативно настроенные**.

О прочих статьях особо не говорим. Правомерность их соединения под одной обложкой, думается, не должна вызвать сомнений даже у придирчивого читателя. Заметим только, что ни одна из них не является простым воспроизведением уже опубликованного. Все тексты просмотрены заново, исправлены и дополнены. В большинстве случаев речь идет о радикальной переработке, а иногда — о совершенно новой работе. Поскольку первоначально статьи вовсе не предназначались для сведения в сборник, в них неизбежно встречаются некоторые повторы. Как правило, мы старались избегнуть их, пользуясь перекрестными ссылками, но последовательное их истребление стало бы делом хлопотным, да и могло бы повести в отдельных случаях к сбою в логическом строе изложения. Автор утешал себя школьной истиной, что повторение — мать учения.

В заключение, отчасти возвращаясь к сказанному в первых строках, припоминаем одно из любимых речений В. Т. Пашуто, с которым он не раз адресовался к молодым и, по молодости, порой не в меру задиристым коллегам: «Надо стоять на плечах, а не на костях своих предшественников». Возраст дает много возможностей убедиться в справедливости этих слов. Вот почему позволим себе — хочется верить, не совсем без права — закончить неформальным посвящением этой небольшой *summa* всем старшим коллегам, как ушедшим, так и здравствующим, без труда которых она была бы невозможна, и вообще поколению наших отцов и дедов, благодаря жизни и смерти которых мы живы.

И нить русской истории не рвется.

Москва,
весна 2008 г.

** Ср. наши попытки объясниться: *Назаренко* 2004с. С. 294–300; он же 2006с. С. 66–72.

I. ДРЕВНЕРУССКОЕ ДИНАСТИЧЕСКОЕ СТАРЕЙШИНСТВО ПО «РЯДУ» ЯРОСЛАВА МУДРОГО И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ — РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ*

Главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, был взгляд на государство как на патrimonий — семейное владение, подлежавшее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников. Если наследников было несколько, то возникало так называемое *corpus fratrum* — так или иначе организованное братское совладение тем, что можно было бы с известной степенью условности назвать «государством» (доходами, территорией, формами репрезентации и т. д.). Наиболее последовательно этот порядок, вытекающий из устройства архаического династически-родового сознания, был реализован в государстве франков и на Руси, где приобрел самые развитые и дифференцированные формы¹.

Возможно, впрочем, что отчасти такое впечатление имеет причиной относительно благоприятное состояние источников по данной теме применительно именно к Древней Руси и особенно Франкской державе. Это, однако, не означает, что все этапы эволюции *corpus fratrum* на древнерусской почве в равной и должной мере обеспечены источниками и вполне ясны. Вот почему привлечение сравнительно-исторического материала других династических традиций, пусть в целом и меньше освещенных источниками, чем древнерусская, может быть полезным историку-руристу для прояснения как исторической сути дела, так и ситуации в историографии, в которую ужеочно вошли и даже до известной степени «канонизировались» некоторые не всегда основательные типологические наблюдения из области династического устройства Древней Руси.

* Несколько видоизмененный и исправленный вариант одноименной работы: Назаренко 2007а. С. 30–54.

¹ Назаренко 1987б. С. 149–157; он же 2000а. С. 500–519; см. также статью III.

В истории древнерусского княжеского дома раздел между сыновьями киевского князя Ярослава Мудрого (1019–1054), предпринятый по завещанию последнего — так называемый «ряд» Ярослава — сыграл, как известно, эпохальную роль. Сообщение «Повести временных лет» об этом завещании неоднократно обсуждалось в науке². И это понятно, поскольку уделы Ярославичей, их границы, послужили исходной точкой формирования будущей территориально-политической структуры Руси — земель-княжений XII в., а само завещание Ярослава Владимира рассмотривалось впоследствии (например, на известном Любечском съезде князей 1097 г.) как безусловное правовое основание существования этих земель в качестве отчин соответствующих ветвей княжеского семейства³. Одним из главных моментов, связанных с завещанием 1054 г., который привлекал внимание исследователей, был провозглашенный «рядом» сеньорат (или, по древнерусской терминологии, старейшинство) старшего из остававшихся к тому времени в живых Ярославичей — Изяслава.

Вот к чему сводится текст завещания, согласно «Повести», если опустить открывающее его общнераввенственное наставление блюсти братскую любовь: «В лето 6562. Преставися великии князь Русъскыи Ярослав. И еще бо живущу ему наряди сыны своя, рек им: <...> Се же поручаю в себе место стол стареищему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыев, сего послушайте, яко послушасте мене, да то вы будете в мене место. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смолинск. И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: Аще кто хощеть обидети брата своего, то ты помагай, его же обидяты»⁴.

Этот краткий летописный текст вызывает ряд взаимосвязанных вопросов. Прежде всего, насколько он достоверен? Не в отношении самого факта предсмертного раздела Ярославом своих владений между сыновьями, а именно в отношении установления старейшинства Изяслава? Далее, если «ряд» Ярослава и имел в виду сеньорат старшего из Ярославичей, становившегося киевским князем, то было ли такое установление новым? Иными словами, надо ли связывать рождение сеньората на Руси с завещанием Ярослава Мудрого? На-

² В качестве примера назовем только несколько недавних работ: Толочко 1992. С. 31–35; Котляр 1998. С. 150–176; Свердов 2003. С. 434–443.

³ ПСРЛ 1. Стб. 256–257; 2. Стб. 230–231.

⁴ ПСРЛ 1. Стб. 161; 2. Стб. 149–150. После слов «Всеволоду Переяславль» в оригинале «Повести временных лет», по нашему мнению, читалось: «<...> а Игорю Володимеръ»; о текстологической стороне дела см. в примеч. 5 статьи II.

конец, в какой мере замысел Ярослава, если таковой имел место, осуществился, то есть каково реальное место «ряда» Ярослава в эволюции древнерусского старейшинства?

На все эти вопросы нельзя дать вполне определенного ответа, исходя только из древнерусских материалов, в то время как сравнительно-исторические наблюдения позволяют прийти к достаточно обоснованным, на наш взгляд, заключениям. Оставляя пока в стороне последний, третий, из поставленных вопросов, обратимся к двум первым.

История развития *corpus fratrum* (в частности у франков) показывает, что рано или поздно в развитии государственности и самосознания государственной власти настает момент, когда традиционная практика родовых разделов вступает в противоречие с представлением о государстве как политическом единстве. При первоначальном архаичном братском совладении как раз это последнее и служило в глазах социальной верхушки проявлением государственного единства, которое, собственно, не имело другого выражения, кроме единства правящего рода, династии⁵. До поры все новые переделы внутри единого рода не приводили к разделу государства ввиду неустойчивости и временности самих возникавших политических структур, иногда настолько лоскутно пестрых, что они, совершенно очевидно, были не приспособлены, да и не предназначены для самостоятельного политического существования (таковы, например, разделы Франкской державы в 562 г. после смерти короля Хлотаря I или в 567/8 г. после кончины его сына короля Хариберта I⁶).

⁵ Эти традиционные представления цепко удерживались в сознании даже поздних Каролингов, многие десятилетия спустя после попыток учредить у франков сеньорат при Людовике Благочестивом (см. ниже об «*Ordinatio imperii*» 817 г.). В ответ на уничижительное замечание византийского императора Василия I (867–886), что франкские императоры, несмотря на свой титул, вовсе не владеют всем Франкским государством, итальянский король и, одновременно, император Людовик II (850–875) в 871 г. отвечал так: «На самом деле мы правим во всем Франкском государстве, ибо мы, вне сомнения, обладаем тем, чем обладают те, с кем мы являемся одной плотью и кровью, а также — единственным, благодаря Господу, духом» («In tota petre imperatus Francia, quia nos procul dubio retinemus, quod illi retinent, cum quibus una et caro et sanguis sumus hac [ac. — A. H.] unus per Dominum spiritus»; Chr. Salern. P. 122 [здесь и везде далее перевод с латинского наш]; Назаренко 2000а. С. 510 и примеч. 30). Перед нами типичная формула идеологии *corpus fratrum*, снова возобладавшей после поражения императора Лотаря I (840–855), старшего сына Людовика Благочестивого, в борьбе с младшими братьями, которое было закреплено знаменитым Верденским договором 843 г.

⁶ См. об этом подробнее в статье II.

Но роковой порок *corpus fratrum* был заложен в самой его патри monиальной природе. Возникавшая время от времени вследствие благоприятной династической конъюнктуры устойчивость того или иного удела не могла не приводить к столкновению между принципом родового совладения и идеей отчинности удела, которая была столь же неотъемлемой частью патримониального сознания, как и родовое совладение, являясь, в сущности, продлением последнего до уровня удела⁷. Это естественным образом вело к попыткам создания такого династического порядка (включая способ престолонаследия), который сочетал бы традицию родового совладения, то есть принцип непре менного наделения всех братьев, с некоторой институционализацией единовластия. Подобного рода усовершенствованной формой *corpus fratrum* и у франков, и на Руси, и в других раннесредневековых государствах (о некоторых из них ниже пойдет речь) как раз и стал сеньорат.

Важно понять, что сеньорат не создавал понятия генеалогическо го старейшинства, которое, будучи семейно-родовым по природе, всегда существовало в рамках *corpus fratrum*, а только придавал ему, старейшинству, те или иные общегосударственные политические прерогативы. При первоначальном родовом совладении старший из сыновей отнюдь не наследовал политической власти по койного отца, так что разделы между братьями не сопровождались установлением какой-либо политической зависимости младших от генеалогически старейшего. Так, в неурядицах 60–70-х гг. VI в. по смерти короля Хариберта I потомки Хлотаря I (511–561) нередко прибегали к авторитетному суду короля Гунтрамна (561–592), ко торый остался старшим в роду после Хариберта, но этот чисто родовой авторитет не был облечён в политico-государственные формы, в какую-либо верховную власть Гунтрамна над младши ми братьями Сигибертом I (561–575) и Хильпериком I (561–584)

⁷ Ранее мы были склонны возводить становление отчинного начала, коллизия с которым и привела к кризису классического *corpus fratrum*, к развитию феодальных отношений (Назаренко 1987б. С. 155–156); считаем теперь эту точку зрения в принципе неверной. Вряд ли состоятельным оказывается и внешне естественное предположение, что *corpus fratrum* начинает подвергаться модификациям в результате столкновения с теми возникавшими государственными институтами, которые в принципе, по самой своей природе, не поддавались дроблению — например, с империей у франков (с 800 г.). В самом деле, в наследственном разделе по завещанию Карла Великого — обсуждаемом ниже «Размежевании королевств» 806 г. — нет никаких распоряжений о судьбе империи и имперского титула, и по содержанию оно является достаточно типичным документом идеологии братского совладения (Назаренко 2001б. С. 11–24).

или, впоследствии, над их потомством. Политически братья были совершенно независимы друг от друга, и это политическое равенство только подчеркивалось старательно выверенным равенством их уделов⁸. И даже раздел, предусмотренный пространным политическим завещанием Карла Великого — «Размежеванием королевств» (*«Divisio regnorum»*), которое было издано в 806 г. в качестве отдельного капитулярия, имел в виду примерно равное наделение трех имевшихся на тот момент сыновей императора — Карла, Пипина и Людовика, ничего не говоря о каком бы то ни было верховенстве старшего, Карла, над младшими⁹. Это молчание тем более показательно, что, в отличие от упомянутых выше родовых разделов VI в., Карл единолично наследовал коренные франкские территории между Соммой и Луарой (так называемую «Франкию» — *Francia*), которые первоначально подвергались особому разделу между всеми наследниками¹⁰. Поэтому, возвращаясь к Руси, думаем, правы были те историки, которые считали, что никакой определенной государственно-политической зависимости младших сыновей киевского князя Святослава Игоревича — Олега Древлянского и Владимира Новгородского — от своего старшего брата Ярополка Киевского (972–978) не было¹¹. И тот факт, что старшему брату достался «старший», киевский, стол и в целом Русская земля в узком смысле слова¹² (как Карлу — коренная Франция), еще никоим образом не свидетельствует в пользу сеньората Ярополка, как иногда думают, считая сеньорат на Руси исконным

⁸ Согласно Григорию Турскому (умер в 593/4 г.), труд которого является главным источником по истории франков VI в., каждый из четырех сыновей Хлодвига был наделен по завещанию последнего в 511 г. «равной долей» (*«aequa lance»*) отцовских владений (*Greg. Tur.* III, 1; *Griг. Тур.* C. 62). Точно-го описания уделов по завещанию Хлодвига, как и по договору 561 г. и последующим, ни у Григория Турского, ни в других текстах не сохранилось, но их границы с достаточной определенностью восстанавливаются по сумме данных — в том числе из рассказа о позднейших событиях у самого Григория; см. остающуюся итоговой работу на эту тему: *Ewig* 1953a.

⁹ *Div. regn.* P. 126–130; см. также карту на рис. 6 в статье II.

¹⁰ См. подробнее в статье II.

¹¹ См., например: Пресняков 1993. С. 30–31 (со ссылкой на соответствующее место «Курса русской истории» В. О. Ключевского).

¹² Мы придерживаемся восходящей к А. Н. Насонову точки зрения, что реконструируемая прежде всего по источникам XII в. Русская земля в узком смысле слова являлась политической реальностью IX–X вв. (Насонов 1951. С. 39–44, 195–196; Кучкин 1995b. С. 74–100, где прочая литература вопроса), несмотря на возобновившуюся в науке последних лет полемику на эту тему (см. прежде всего: Ведюшкина 1995. С. 101–116).

обычаем и тем ставя под сомнение политическое новаторство «ряда» Ярослава¹³. Более того, раздел Руси между Святославичами в 969 г., закрепившийся после внезапной гибели Святослава в 972 г., стоит в одном ряду вовсе не с разделом 1054 г., а с разделением уделов киевским князем Владимиром Святославичем (978–1015) между своими подросшими сыновьями, о котором «Повесть временных лет» сообщает в конце статьи 6496 (988) г.¹⁴ Ведь наделение Святославичей не было предсмертным завещанием их отца, а произошло в связи с планами Святослава перенести свой столичный град из Киева в Переяславец на Дунае, сохраняя, естественно, верховную власть над Русью¹⁵.

Таким образом, сеньорат не тождествен генеалогическому старшинству и, в отличие от последнего, требовал целенаправленной реформы традиционного родового совладения. Понятно, что подобная реформа, именно вследствие того, что меняла обычный династический порядок, должна была иметь какое-то законодательное оформление, хотя и необязательно письменное, документальное. У франков таковым стало первое завещание императора Людовика Благочестивого (814–840) — «Устроение империи» (*«Ordinatio imperii»*) 817 г., согласно которому старший из сыновей Людовика, Лотарь (будущий император Лотарь I), наследовал не только императорский титул отца, но и львиную долю владений последнего, тогда как двум его братьям доставались относительно небольшие уделы: Пипину — Аквитания, Людовику — Бавария¹⁶; хотя младшие братья и титуловались королями, но должны были признать верховную власть Лотаря¹⁷. В Древней Руси на роль аналогичного этапа в эволюции династического строя может претендовать только «ряд» Ярослава и никоим образом какие-то предшествующие династические решения — Святослава Игоревича (см. выше) или Владимира Святославича¹⁸. Кроме того, форма сеньората, предусмотренного «рядом» Ярослава, была столь умерен-

¹³ Толочкин 1992. С. 31–34 (ср.: Назаренко 1999б. С. 173–176); Свердлов 2001. С. 353–354; он же 2003. С. 440–441 («указание <...> на старейшинство Ярополка *во отца место*» отсутствует в летописном тексте, «вероятно, лишь вследствие краткости записи»).

¹⁴ ПСРЛ 1. Стб. 121; 2. Стб. 105–106.

¹⁵ ПСРЛ 1. Стб. 67, 69; 2. Стб. 55, 57.

¹⁶ Ord. imp. P. 270–273.

¹⁷ «После нашей кончины да получат (Пипин и Людовик. — A. H.) королевскую власть под рукой старшего брата» («<...> post decepsum nostrum sub seniore fratre regali potestate potiantur»: *ibid.* P. 271).

¹⁸ См. примеч. 48.

ной и компромиссной¹⁹, что трудно представить себе какую-то более раннюю и, соответственно, более мягкую его стадию. Старейшинство Изяслава Ярославича прямо прокламируется, и несмотря на то что общерусские политические прерогативы киевского князя не описаны с полнотой, сравнимой с капитулярием Людовика Благочестивого, ясно, что они в том или ином объеме предусматривались, коль скоро Изяслав был призван служить гарантом устанавливаемого династического порядка — ведь именно ему «ряд» вменяет в обязанность «помагати, его же обидять». Тем самым, с точки зрения типологии *corpus fratum*, содержание «ряда» Ярослава, как оно передано в «Повести временных лет», сомнений не вызывает, и это может служить косвенным свидетельством достоверности летописного рассказа против высказывающихся иногда предположений, что завещание Ярослава Мудрого в целом или отчасти является стилизацией более позднего времени²⁰, чуть ли не первой четверти XII в.²¹

Если сеньорат по «ряду» Ярослава представлял собой закономерную форму в эволюции княжеского родового совладения на Руси, то следовало бы ожидать, что типологические параллели ему будут обнаруживаться не только у франков, но и в других европейских династиях, построенных на *corpus fratum*.

Действительно, в отечественной литературе вскользь уже указывалось на сходство «ряда» Ярослава с некоторыми династическими установлениями Древнечешского и Древнепольского государств, а именно с завещаниями чешского князя Бржетислава I (1034–1055) и польского князя Болеслава III (1102–1138)²². Так как распоряжения относительно династического строя и престолонаследия, предпринятые в этих завещаниях, имели в виду ту или иную форму сеньората, то уже поэтому они могут быть типологически сближены с завещанием Ярослава Владимировича. Не вдаваясь в детали, мы в свое время поддержали такую аналогию²³. Сейчас видим, что она нуждается в существенных уточнениях. Рассмотрим теперь этот вопрос подробнее, начав с завещания Бржетислава I как хронологически наиболее близкого к «ряду» Ярослава.

Вот что читаем в «Чешской хронике» Козьмы Пражского (первая четверть XII в.) — единственном источнике, сообщающем об этом

¹⁹ См. об этом в статье II.

²⁰ Франклайн, Шепард 2000. С. 358–359.

²¹ Poppe 1991. Sp. 306.

²² Пресняков 1993. С. 38–39; Толочко 1992. С. 26, 34; и др.

²³ Назаренко 1987б. С. 152; он же 2000а. С. 504.

завещании: на смертном одре чешский князь обращается к представителям знати («terrae primates») с признанием, что, имея пятерых сыновей, «он считает вредным делить между ними Чешское княжество» и потому обязывает их (знать) присягнуть, «что верховное право и престол в княжестве будут всегда принадлежать старшему по рождению среди моих сыновей и внуков и что все его братья и те, кто происходят из рода государя, будут под его властью. Поверьте мне, если этим княжеством не будут управлять единовластно, то для вас, людей знатных, дело дойдет до погибели, а для народа — до больших бед»²⁴.

В отличие от «ряда» Ярослава, который даже в летописном пересказе сохраняет характер делового распоряжения и вполне узнаваемые черты завещательного формуляра²⁵, завещание Бржетислава в «Чешской хронике» сплошь состоит из литературных и исторических аллюзий (на библейское предание о Каине и Авеле и древнеримское — о Ромуле и Реме), а также прямых цитат (из Вергилия, Лукана, Овидия, «Псалтири»)²⁶, характерных для стиля Козьмы. Вряд ли приходится сомневаться, что завещание Бржетислава I, в настоящем его виде, является плодом литературного творчества самого Козьмы Пражского. Распознать существование династической реформы Бржетислава, если таковая действительно имела место, за риторической пеленой, наброшенной стилизованным изложением Козьмы, крайне трудно. И все же ясно, что в завещании имелась в виду какая-то радикальная форма сеньората, коль скоро речь идет о «единовластии» «старшего».

Однако признать сам факт попытки Бржетислава I преобразовать династический строй Древнечешского государства в русле сеньората еще не значит признать, что сеньорат был завещанием Бржетислава учрежден. Можно было бы, конечно, не придавать большого значения заверениям Козьмы Пражского, писавшего много десятилетий спустя, что пражский князь середины XI в. отказывался от любых

²⁴ *Cosm.* II, 13. S. 102: «... inter quos dividere regnum Boemie non videtur mihi esse utile <...> quatinus inter meos natos sive nepotes semper maior natu summmum ius et solium obtineat in principatu omnesque fratres sui sive, qui sunt orti herili de tribu, sint sub eius dominatu. Credite mihi, nisi monarchos hunc regat ducatum, vobis principibus ad iugulum, populo ad magnum deveniet dannum».

²⁵ Свердлов 2003. С. 437–438. Другое дело, что само по себе это обстоятельство не может доказывать аутентичности «ряда» Ярослава в его наличной форме, так как летописцу, коль скоро он задался бы целью вложить в уста умирающего киевского князя завещание, естественно было бы воспользоваться существовавшим в его время трафаретом подобных распоряжений.

²⁶ *Cosm.* S. 102. Anm. 1–4.

форм раздела, желая ввести «единовластие». Вместе с тем, ряд соображений заставляет отнести к этим заверениям серьезно.

Козьма вкладывает в уста Бржетиславу в качестве аргумента ссылку на губительность памятных для чешской княжеской династии раздоров между братьями святым Вячеславом (Вацлавом) (убит в 929/35 г.) и Болеславом I (умер в 967/72 г.). Но отношения между этими последними, как они рисуются в памятниках свято-вацлавского цикла, не отличаются от взаимоотношений пражского князя со своей родней во времена Козьмы, когда младшие князья располагали уделами — обычно в Моравии, реже собственно в Чехии — будучи под верховной властью старшего, занимавшего пражский стол²⁷; точно так же, когда Вячеслав стал пражским князем вместо умершего отца, «оттоле Болеслав нача под ним ходити», хотя и имел собственный «град Болеславль» (который обычно идентифицируется со Старым Болеславом, центром присоединенной к Праге области племени шпан на правобережье Верхней Лабы-Эльбы).

Эти слова древнейшего церковнославянского «Жития святого Вячеслава»²⁸, разумеется, могут быть и проекцией позднейших династических порядков на ситуацию 920-х гг. (Вратислав I, отец Вячеслава и Болеслава I, умер в 921 г.), но порядков, в свою очередь, вряд ли более поздних, чем сложившиеся к 70-м гг. X столетия, когда, как считается, вероятнее всего, было создано «Житие»²⁹ (впрочем, существуют и более поздние датировки). В таком случае установление сеньората в Чехии пришлось бы, видимо, связывать с именем Болеслава I. Источникам известны только двое его сыновей — Болеслав II и некий Страхквас (*Ztrahquasz*), или Христиан³⁰, которого отец еще ребенком отдает в монастырь святого Эммерама в Регенсбурге — будто бы во искупление своей вины в убийстве брата³¹. Такой шаг был бы крайне опрометчивым, если бы у Болеслава II не было других братьев. Скорее всего отец видел в Страхквасе будущего пражского

²⁷ О подчиненном статусе моравских уделов в представлении пражских князей см.: *Cosm.* III, 34. S. 205.

²⁸ Так в Востоковском списке (*Rogov* 1970. С. 37); в глаголической версии застает, вероятно, первоначальное чтение: «Болеслав же, братр его, растеаше под ним» (*Weingart* 1935. S. 975, 986), — с тем же смыслом. В древнейшем латинском «Житии святого Вячеслава» никаких данных о положении Болеслава по отношению к старшему брату не обнаруживается, хотя упоминание об отдельном городе Болеслава также имеется (*Leg. Christ.* P. 64).

²⁹ Флоря 2005. С. 166.

³⁰ Под этим именем он упоминается Бруно Кверфуртским: *Brun. Vita Adalb.* 15.

³¹ *Cosm.* I, 17. S. 36.

епископа, как Бржетислав I — в Яромире, что и подтверждается позднейшей попыткой поставить Страхваса на кафедру вместо святого Адальберта-Войтеха³². Если так, то молчание источников о младших братьях Болеслава II можно было бы рассматривать как косвенное свидетельство ярко выраженного сенюората пражского князя.

В самом деле, династическая история Пржемысловичей до Бржетислава I в хронике Козьмы изложена с большими пробелами, а иногда и просто неверно. Так, одиозные для княжеского рода кровавые междуусобия в предшествовавшем Бржетиславу I поколении сыновей Болеслава II (967/72–999) приходится восстанавливать исключительно по иностранным источникам — прежде всего, по хронике их современника Титмара Мерзебургского. О конфликте Болеслава III (999 — около 1003) вскоре после 999 г. с младшими братьями Яромиром и Олдржихом Титмар сообщает в выражениях, которые заставляют предполагать, что последние располагали собственными уделами: «Между тем (речь идет о событиях 1002 г. — A. H.) чешский герцог Болеслав, так как власть соправителя и преемника всегда подозрительна, оскопив брата Яромира, а младшего Олдржиха хотел было утопить в бане, изгнал их из страны вместе с матерью и стал править один, наподобие губительного вассала несказанно притесня народ»³³. Правда, характер взаимоотношений между пражским князем и его младшими братьями из процитированного сообщения не вполне понятен, тем более что слова «так как власть соправителя и преемника всегда подозрительна» являются цитатой из Лукана³⁴. Эти взаимоотношения несколько проясняет другое сообщение саксонского хрониста, в котором Олдржих назван «вассалом» (*satelles*) Яромира, к тому времени (речь идет о 1012 г.) уже давно, с 1004 г., занимавшего пражский стол вместо изгнанного Болеслава III³⁵.

³² Ibid. I, 29–30. S. 52–53, 55; о проблемах вокруг Страхваса-Христиана см.: Krzemeńska 1964. S. 534.

³³ «Interim Boemiorum dux Bolizlaus, quia potestas consortis et successoris semper pavida, Iaremirus fratrem eunuchizans iunioremque Othelricum in termis suffocare cupiens, una cum matre eosdem patria expulit solusque vice basilisci noxii regnans populum ineffabiliter constrinxit» (*Thietm.* V, 23. S. 247).

³⁴ *Luc.* I, 92.

³⁵ В Мерзебурге, где находился Титмар, «присутствовал также герцог Яромир, которого брат его и вассал Олдржих, забыв о всяком долге, изгнал из Чешского княжества в святую субботу [накануне] последнего Вознесения Господня (то есть 12 апреля 1012 г. — A. H.)» (*Iarmirius quoque dux adfuit, quem frater suimet Othelricus et satelles locutus debiti immemor in sacro sabbate dominicae resurrepcionis proximae a regno Boemiorum expulit*): *Thietm.* VI, 71. S. 360).

Таким образом, из совокупности приведенных данных, пусть и немногочисленных, с известной определенностью вырисовывается картина сеньората пражского князя над братьями, имеющими в своем распоряжении некоторые уделы. Такое раннее, по крайней мере с третьей четверти X в., возникновение сеньората в чешской княжеской династии на первый взгляд может показаться странным. Но следует иметь в виду, что как сеньорат в целом, так и его отдельные формы, будучи проявлениями династического сознания, не состояли в непосредственной связи с уровнем общественно-экономического развития, а более зависели от конкретного династического опыта, династической конъюнктуры, а также, вполне вероятно, соответствующих образцов в соседних странах. Так, если верить Константину Багрянородному (умер в 959 г.), сеньорат существовал уже в Великоморавском государстве в конце IX в.³⁶

Так что же, в таком случае, имело в виду завещание Бржетислава I? Если судить о планах завещателя по их последующему осуществлению (как мы делаем это в отношении некоторых установлений «ряда» Ярослава — например, в отношении так называемого «триумвиата» старших Ярославичей), то выходит, что чешский князь хотел установить именно полное единовластие своего старшего сына Сптытигнева II (1055–1061) с отказом от какого бы то ни было наделения остальных. Заняв пражский стол, Сптытигнев предпринял поход в Моравию, где находились столы его младших братьев Вратислава, Конрада и Оттона (четвертый брат, Яромир, предназначался для церковной карьеры): моравские уделы были упразднены (см. карту на рис. 1), Вратислав бежал в Венгрию, а Конрада и Оттона Сптытигнев привел в Прагу, назначив им придворные должности ловчего («preficiens venatoribus») и кравчего («super pistores atque cocos magister»)³⁷. Эта необычная процедура, несомненно, призвана была служить манифестацией новизны порядков, вызванных к жизни завещанием Бржетислава I.

³⁶ Великоморавский князь Святополк I (умер в 894 г.), «умирая, разделил свою страну на три части и оставил трем сыновьям каждому по одной части, первого определив великим архонтом («ἄρχον μέγας»), а двух других — подчиняться слову («ὑπὸ τὸν λόγου εἶναι») первого сына» (*Const. De adm.* 41.4–7. Р. 168–169). Даже если сообщение Константина об именно трех сыновьях Святополка (другим источникам известны только двое — Моймир и Святополк II) является литературным мотивом (там же. С. 399. Примеч. 2 [комментарий Б. Н. Флори]), все равно факт раздела между Святополчичами вне сомнений (*Ann. Fuld.* Р. 131–132).

³⁷ *Cosm.* II, 15. S. 105–106.

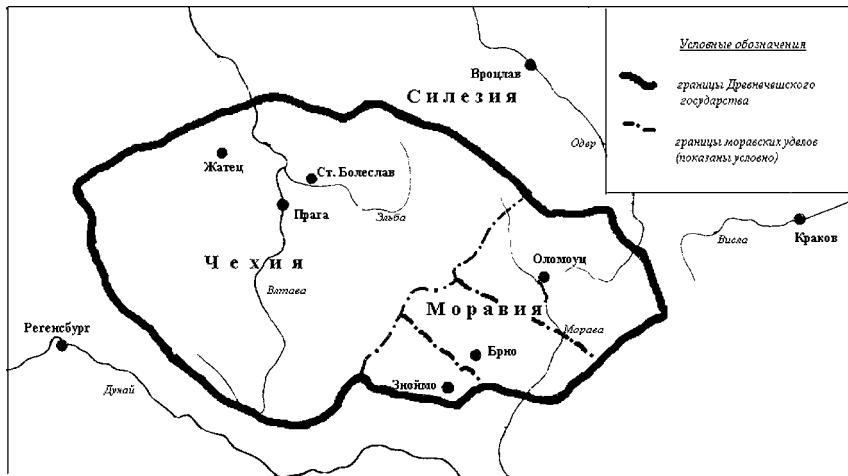

Рис. 1. Уделы младших сыновей Бржетислава I

Отметим еще одну деталь, которая, кажется, также указывает на то, что Бржетислав I стремился радикализовать сеньорат до единовластия. Спустя некоторое время после исполнения отцовского завещания Сптыгнев предложил заключить договор с Вратиславом, который вернулся из Венгрии и получил назад свои моравские владения³⁸. Судя по тому, что Конрада и Оттона этот копромисс не коснулся, речь шла не об отказе от программы Бржетислава I и возобновлении прежних династических порядков, а скорее о признании Вратислава престолонаследником. А вот когда пражский стол занял Вратислав II (1061–1092), он немедленно восстановил моравские уделы обоих младших братьев³⁹, что было воспринято как сигнал и Яромиром, который вернулся в Чехию «в надежде получить ту или иную долю наследства в отцовской державе»⁴⁰. Поскольку духовная карьера была предписана Яромиру волею отца, а не старшего брата, то такое предявление наследственных прав Яромиром может означать лишь одно: четвертый по старшинству среди Бржетиславичей считал, что с возвращением Вратислава порядок, завещанный их отцом и реализованный

³⁸ Ibid. II, 16. S. 107.

³⁹ Ibid. II, 18. S. 110.

⁴⁰ «<...> sperans aliquam portionem se habiturum hereditatis in patrio regno» (ibid. II, 18. S. 110).

Сптытигневом, отменен и снова действует традиционный сеньорат с учетом прав всех братьев по *corpus fratrum*⁴¹.

Такая трактовка завещания Бржетислава I как неудавшейся попытке установить единовластие пражских князей с полной ликвидацией родовых уделов, по нашему мнению, в большей степени согласна и с теми пассажами о сеньорате, которые встречаются также и в других местах хроники Козьмы и обычно понимаются как реминисценции завещания 1055 г. Говоря о передаче пражского стола в 1100 г. по смерти Бржетислава II (1092–1100) его младшему брату Борживою II (1101–1107, 1117–1120), хронист считает такое престолонаследие противоречащим «справедливому порядку», существовавшему в Чехии⁴², ибо «старшим по возрасту» (*etate maior*) на то время был брненский князь Олдржих, двоюродный брат Бржетислава II⁴³. Выражение *maiор natu*, употребляемое Козьмой и в главе II, 13, где изложено завещание Бржетислава I, заставляет комментаторов усматривать здесь ссылку именно на это последнее⁴⁴, что явно про-

⁴¹ Тот факт, что надежды Яромира не оправдались, сути дела не меняет. Объяснять разницу в отношении Сптытигнена II и Вратислава II к младшим братьям только тем тривиальным обстоятельством, что в 1055 г. последние были еще малолетними, а в 1061 г. — уже нет (см., например: *Wolverton 2001. P. 197*), было бы явным упрощением; достаточно напомнить, что Конрад и Оттон (причем последний был младше Яромира: *Cosm. II, 1. S. 82*) по династическим понятиям были достаточно взрослыми, чтобы иметь собственные уделы еще при жизни отца.

⁴² Сообщив о вокняжении Борживоя, хронист скорбно замечает: «Тогда-то следы Циллени (эпитет Астреи, богини справедливости. — A. H.), которые и до того были едва видны в Чехии, исчезли совершенно, ибо она, возненавидев землю, удалилась на небеса. Ведь у чехов был справедливый порядок, что престол и княжество всегда занимают старшие по рождению среди их князей» (*Tunc Cillenia delet omnino sua vestigia, que vix impressa reliquerat in Boemia, cum exosa terras peteret celestia. Iusticia enim erat Boemorum, ut semper inter principes eorum maior natu solio potiretur in principatu*: *Cosm. III, 13. S. 175–176*).

⁴³ Обращаясь к чешской знати, Олдржих «заявляет себя старшим по возрасту и требует полагающийся [ему] по обычаям страны княжеский стол, несправедливо отнятый у него младшим братом. Хотя его дело было правое, но что толку хвататься за хвост, если упустил рога (то есть Олдржих начал действовать слишком поздно, когда Борживой уже укрепился в Праге. — A. H.)» (*<...> iactat se esse etate maiorem et secundum patrie more debitum, sibi iniuste sublatum per fratrem iuniorum poscit principalis sedis honorem. Qui quamvis iustum causam habeat, tamen frustra caudem captas, cum cornua amittas*: *ibid. III, 15. S. 177*). Олдржих и в самом деле, вероятно, был старше Борживоя, сына Вратислава II от третьего брака, заключенного после 1062 г., тогда как брненский князь Конрад I, отец Олдржиха и младший брат Вратислава, женился скорее всего уже во второй половине 1050-х гг. (*Назаренко 2001а. С. 534*).

⁴⁴ *Cosm. S. 176. Anm. 2* (комментарий Б. Бретхольца); *Коз. Пражс. С. 280*. Примеч. 6 к гл. 13 (Г. Э. Санчук).

тиворечит заявлению, вложенному Козьмой в начале своей хроники в уста легендарному основателю династии Пржемыслу. Толкуя по слам Любушки чудо с тремя ростками на своем вонзенном в землю посохе, из которых два засохли, а разросся только один, Пржемысл предрек: «Чему дивитесь? Знайте, что в нашем потомстве родится много правителей, но править будет всегда только один»; и если бы Любуша не поспешила предложить княжеский стол Пржемыслу, то «в вашей земле было бы столько правителей, сколько произвела бы природа принадлежащих к господствующему роду»⁴⁵. Это явно программное *vaticinium ex eventu*, заостренное против родового совладения в его досеньоратной форме, не имело бы смысла, если бы сеньорат в династии Пржемыловичей установился только в середине XI в. Другое дело, что при этом никак невозможно согласиться с тем пониманием термина «старший по рождению» («*maior natu*»), которого придерживается Козьма, — как указания на чисто возрастное, а не генеалогическое старейшинство. Такое установление было бы абсолютно уникальным, трудно реализуемым практически и, главное, идущим совершенно вразрез с логикой родового совладения, не говоря уже о том, что оно было политически неразумно, так как не сглаживало, а усугубляло типичный для родового совладения конфликт между дядьями и племянниками (старшие племянники нередко оказывались старше младших дядей). Поэтому (не вникая в причины пристрастности Козьмы к Олдржиху Брненскому) думаем, что в духе традиционного, до-бржетиславовского, сеньората действовал не Олдржих, а как раз пражский князь Бржетислав II, когда не только заблаговременно десигнировал в качестве преемника своего следующего по старшинству брата Борживоя, но и добился в 1099 г. подтверждения этой десигнации со стороны германского императора Генриха IV⁴⁶.

Крутые меры, предпринятые Сптыгневом II согласно завещанию отца, ничем не напоминают весьма умеренный сеньорат Изяслава Ярославича, каким он виделся Ярославу Мудрому. Возникает впечат-

⁴⁵ «Quid ammiramini? inquit. Sciat ex nostra progenie multos dominos nasci, sed unum semper dominari. <...> quot natos heriles natura proferret, tot dominos terra vestra haberet» (*Cosm.* I, 6. S. 17). «*Natos heriles*» следует в данном случае переводить именно как «принадлежащих к господствующему, то есть княжескому, роду», а не нейтрально «благороднорожденных» (так в переводе Г. Э. Санчука: *Коз. Пражс.* С. 43), потому что это выражение явно отсылает к «*orti herili de tribu*» из завещания Бржетислава I, где речь, несомненно, идет о княжеском семействе.

⁴⁶ *Cosm.* III, 8. S. 169.

ление, что завещание Бржетислава I, если оно действительно имело целью единовластие Сптигнева II, типологически должно быть сопоставлено не с «рядом» Ярослава Владимировича, а скорее с волевыми десигнациями польского князя (в конце правления — короля) Болеслава I (992–1025) и, кажется, киевского князя Владимира Святославича. Болеслав определенно отказался, а Владимир предположительно намерен был отказаться от традиционного раздела державы между всеми взрослыми сыновьями в пользу единовластия одного из сыновей, в обоих случаях даже не старшего, а выделявшегося по другому династическому принципу: Мешко II был с 1013 г. женат на внучке германского императора Оттона II⁴⁷, Борис же Владимирович отличался своим происхождением — его матерью была, по-видимому, представительница болгарского царского семейства⁴⁸. Наделяя сыновей по мере их взросления, и Владимир Святославич, и Бржетислав I действовали в полном соответствии с требованиями *corpus fratrum*, но в какой-то момент решили отказаться от него, пойти на коренную ломку порядка столонаследия. Однако и здесь, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что сходство касается больше внешности, нежели существа дела. И польский, и киевский князья пытались утвердить единовластие одного из сыновей, не имея опыта сеньората⁴⁹, тогда

⁴⁷ Jasiński 1992. S. 114–116.

⁴⁸ Не видим сколько-нибудь веских причин сомневаться в свидетельстве списка сыновей Владимира, что матерью Бориса была «болгарыня» (ПСРЛ 1. Стб. 80; 2. Стб. 67; Жит. БГ. С. 28). О десигнации Бориса в качестве киевского столонаследника, кроме данных, приведенных нами в другом месте (*Назаренко* 2000а. С. 512. Примеч. 36), свидетельствует также практически одновременное возмущение старших Владимиевичей — Святополка Туровского и Ярослава Новгородского против отца: первого — скорее всего около 1013 (*Thietm.* VII, 72. S. 488; *Назаренко* 1993б. С. 136, 141, 171–172), второго — около 1014/5 г. (ПСРЛ 1. Стб. 130; 2. Стб. 114–115). О стремлении Владимира Святославича «византинизировать» порядок престолонаследия на Руси, то есть установить в той или иной форме единовладие киевского князя, убедительно пишет А. Поппэ, который, однако, совершенно напрасно, по нашему мнению, старается связать это стремление с гипотетическим происхождением Бориса и Глеба Владимировичей от Анны, сестры византийских императоров Василия II и Константина VIII (см., например: *Поппэ* 1997. С. 115–117; *он же* 2003. С. 309–313).

⁴⁹ Отец Болеслава и основатель Древнепольского государства князь Мешко I (умер в 992 г.), если верить Титмару Мерзебургскому, завещал разделить державу между всеми своими сыновьями («*relinquens regnum suum plurimis dividendum*»): старшим Болеславом и тремя младшими от второго брака с немкой Одой — Мешком, Свенцителком и третьим, не названным по имени (*Thietm.* IV, 57–58. S. 196, 198; *Назаренко* 1993б. С. 134, 138–139). Судя по известному документу Мешка I *Dagome iudex* (Dag. iud. 394–396; *Щавелева* 1990. С. 29), который представлял собой акт передачи части Древнепольского государства (за исключением Краковской земли, где, вероятно,

как чешский — критически оценивая этот опыт. Следовательно, в династической истории древнерусского княжеского дома для завещания Бржетислава I достаточно полных параллелей не видно.

Обратимся теперь к завещанию польского князя Болеслава III 1138 г. Наиболее ранним свидетельством о нем является известие польского хрониста Винцентия Кадлубка (рубеж XII–XIII вв.), который в свойственной ему высокопарно-риторической манере пишет в общих словах об установлении «тетрархии» Болеславичей, причем старшему из них отдавались «княжение в Краковской земле и верховная власть»⁵⁰. Границы уделов «тетрархов» очерчены только в многое более поздней «Великопольской хронике» (начало XIV в.), согласно которой старший из них, Владислав II (1138–1146), получил Краков, Силезию, Серадз, Ленчицу и Восточное Поморье (Гданьскую марку), Болеслав IV — Мазовию, Мешко III — Великую Польшу, Генрих — Сандомир; а родившийся уже после смерти отца Казимир (будущий Казимир II) пока оставался без удела⁵¹. Из совокупности более ранних разрозненных данных реконструируется несколько иная картина: Владиславу принадлежала также восточная часть Великой Польши с прежней столицей Древнепольского государства — Гнезнем, а также Сандомирская земля, тогда как Генрих, подобно Казимиру, не имея сначала, по малолетству, собственного удела, жил при матери Саломее, которой были выделены Серадз и Ленчица⁵² (см. рис. 2).

Остается неясным, какое именно конкретное содержание скрывалось за неопределенным выражением Кадлубка о «верховной власти» краковского князя над братьями согласно завещанию Болеслава III, как неясны, собственно, и полномочия Изыслава Ярославича. В любом случае попытка изгнать младших братьев из их уделов, которую Владислав II предпринял сразу же после смерти отца, была (если полагаться на сведения Кадлубка), в отличие от действий Сптыгнева II в Чехии, безусловным превышением этой

сидел старший сын Болеслав: *Łowmiański* 5. S. 595–614) под покровительство папского престола с целью гарантии наследственных прав сыновей от второго брака (именно такая трактовка документа представляется наиболее основательной: *Labuda* 1988. S. 240–263), свидетельство Титмара достоверно. Тем самым, Мешко действовал вполне в рамках традиционного родового совладения, которое и пытался оградить от притязаний Болеслава на единовластие; сделать это ему, впрочем, не удалось: сразу же по смерти отца Болеслав изгнал мачеху и младших братьев (*Thietm.* IV, 58. S. 198).

⁵⁰ «<...> Cracoviensis provinciae principatus et auctoritas principandi» (*Kadl.* III, 26).

⁵¹ Chr. Pol. m. 30; Вел. хр. С. 106.

⁵² См. остающуюся основополагающей работу по теме: *Labuda* 1959. S. 171–194; ср. также: *Buczek* 1960. S. 621–639.

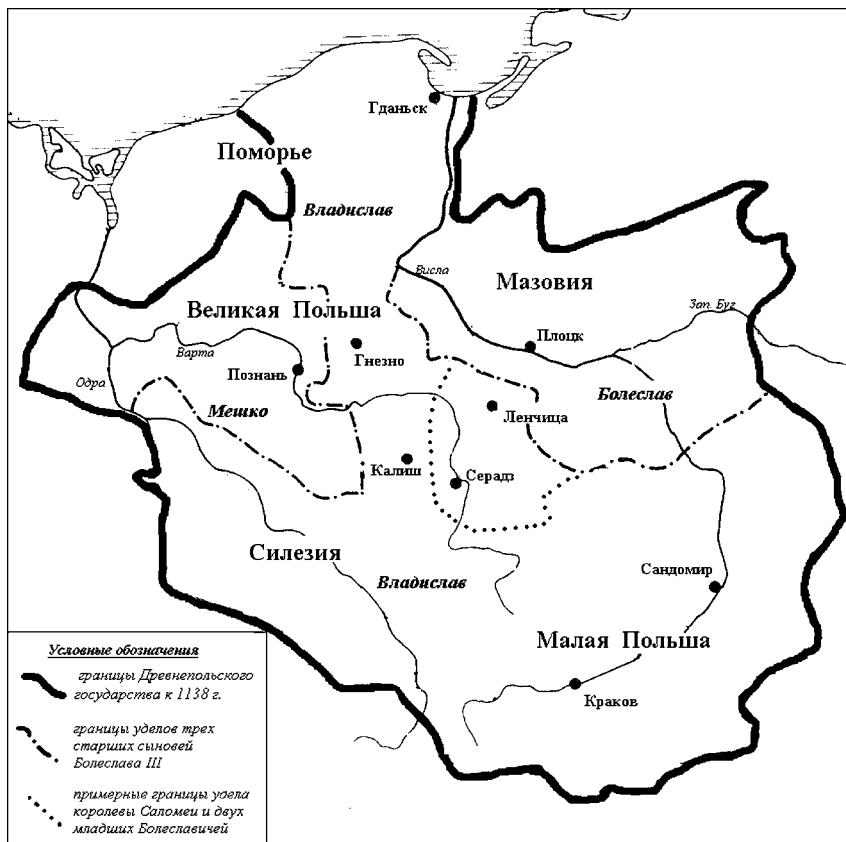

Рис. 2. Уделы по завещанию Болеслава III 1138 г.

«верховной власти». Если же задаться в отношении завещания Болеслава III тем вопросом, каким выше мы задались в отношении завещания Бржетислава I, а именно: было ли это завещание актом учреждения сеньората (который в польской историографии, применительно к порядку, предусмотренному завещанием 1137 г., предполагают именовать «принципатом»), — то ответить на него со всей решительностью будет нелегко по недостатку данных.

Довольно очевидно и — в силу прецедентного характера средневекового права — естественно, что раздел по завещанию Болеслава III исходил из предшествовавшего раздела по смерти (и, вероятно, по воле или с согласия⁵³) его отца Владислава I (1079–1102), поскольку,

⁵³ Gall. II, 21.

как можно понять, Болеслав III получил в 1102 г. Силезию и Краковскую землю (с Сандомиром), а его старший сводный брат Збигнев — северную половину: Великую Польшу, Мазовию и лежащие между ними Серадз, Ленчицу и Калиш; Гданьское Поморье было завоевано Болеславом III позднее⁵⁴. Таким образом, Болеслав III завещал старшему сыну свою половину по прежнему разделу с братом Збигневом, а двум следующим сыновьям, Болеславу и Мешку, вместе с их малолетними братьями и матерью Саломеей (Владислав происходил от первого брака Болеслава III с дочерью киевского князя Святополка Изяславича Сбыславой) выделил на всех северную половину Збигнева, из которой к тому же, если полагаться на выводы Г. Лябуды, был изъят гнезненско-калишский «коридор», соединивший Краков с Гданьском. Принцип, лежащий в основе восстановляемого таким образом раздела по смерти Владислава I выглядит, в силу примерного равенства уделов Збигнева и Болеслава, весьма архаичным; высказываемые иногда догадки, что старший из братьев, Збигнев, по завещанию отца располагал какими-то сеньориальными правами⁵⁵, насколько нам известно, не могут быть подтверждены свидетельствами источников. Кроме того, само завещательное распоряжение Владислава I было предпринято в весьма специфических условиях последних лет правления князя — после поражения, которое он потерпел от солидарно выступивших против него обоих сыновей⁵⁶, поэтому только паритетный раздел мог быть объявлен без риска немедленно вызвать новую смуту. Таким образом, специфический раздел по завещанию Владислава I, не выказывающий черт сеньората, вряд ли можно рассматривать в качестве верного отражения династической традиции в польском княжеском семействе, как она сложилась ко второй половине XI в.

⁵⁴ Такое распределение земель вырисовывается из повествования польского хрониста Галла Анонима (первая четверть XII в.) о борьбе между Болеславом III и Збигневом в 1102–1107/8 гг. (*Gall.* II, 22–41).

⁵⁵ Turek 1998. Sp. 495. В свою очередь, Болеслав III сениором по завещанию отца определенно не был, так как даже его панегирист Аноним Галл ограничивается обтекаемым замечанием, будто Болеслав в качестве «законного сына» (Збигнев происходил от первого брака Владислава, причем его мать была некняжеского происхождения, так что с женитьбой Владислава на Юдите, дочери чешского князя Вратислава II, первый брак князя был объявлен конкубинатом) «занял два главных города королевства» (*Gall.* II, 21). Но и это, конечно, натяжка: Краков и Вроцлав, доставшиеся Болеславу, никак невозможно считать «главными городами» в отличие от кафедрального Гнезна и по жизненной отцовской резиденции — Плоцка.

⁵⁶ *Gall.* II, 16.

Углубляясь ретроспективно в более ранний период, видим несомненный сеньорат Болеслава II (1058 — около 1080) над младшим братом Владиславом (будущим Владиславом I). Хроника Галла Анонима, правда, ничего определенного на этот счет не сообщает, но в иностранных источниках 1060–1070-х гг. Болеслав со всей очевидностью выступает как правитель Польского государства, так что его безусловная доминация сделала даже возможной коронацию королевским венцом в 1076 г. Но был ли сеньорат Болеслава установлен уже завещанием его отца — польского князя Казимира I (1038/9–1058)? Казимир оставил после своей смерти троих сыновей — помимо Болеслава и Владислава, еще и младшего Мешка. Едва ли приходится сомневаться, что родовой Плоцк вместе с Mazowieckim уделом, в котором застаем Владислава в правление его брата Болеслава II, он получил еще по разделу после смерти отца. О владениях Мешка сведений не сохранилось, хотя такие владения наверняка имелись, так как третий из Казимировичей умер только в 1065 г. на двадцатом году жизни⁵⁷. Поскольку единственным источником, сообщающим день его смерти, является синодик регенсбургского монастыря святого Эммерама⁵⁸, то закрадывается подозрение, что удел Мешка располагался на западе или юго-западе Древнепольского государства, то есть что младший сын Казимира Восстановителя владел либо Великой Польшей, либо Силезией. Первый вариант представляется более вероятным ввиду неустойчивого статуса Силезии, которая была присоединена только в 1050-е гг., незадолго до кончины Казимира I, и с которой поляки были обязаны платить дань Праге⁵⁹; в такой ситуации было естественно сокрыть ее под властью сениора, а не делать уязвимой, отдавая в удел самому младшему из братьев. Если так, владельческая конфигурация, образовавшаяся по завещанию Казимира I, была бы, что показательно, весьма сходной с разделом 1137 г. Судьба старой польской столицы и митрополичьей резиденции Гнезна остается при этом неясной (оставалась ли она в Великопольском уделе Мешка или была выделена, как в 1137 г., чтобы быть включенной в удел старшего), но ясно одно: в династии Пястов сеньорат отнюдь не был учрежден завещанием Болеслава III. Учитывая сказанное выше о передаче престола от Болеслава I к его сыну Мешку II, а также временный распад Древнепольского

⁵⁷ Jasiński 1992. S. 175.

⁵⁸ Necr. s. Emm. (под 28 января).

⁵⁹ Cosm. II, 13. S. 101; у Козьмы присоединение Силезии Казимиром I датировано 1054 г., что подтверждается сообщением «Альтайских анналов» о заключении в 1054 г. польско-чешского мира (Ann. Alt. P. 50).